

Как предикативность и сказуемость могут перекрещиваться, так перекрещиваются модальности синтаксическая и логико-грамматическая, наклонение и модальность. Как предикативность шире сказуемости, так и категория модальности шире категории наклонения, хотя в ходе исторического развития языка наклонение возникает как средство выражения модальности. Модальность логико-грамматического уровня является предикативной категорией, т. е. такой категорией, которая характеризует предложение в целом. Наклонение же глагола следует рассматривать как категорию сказуемости, а не предикативности.

Признавая вслед за И. И. Мещаниновым, что объектные отношения являются универсальными, как и субъектно-предикативные отношения, В. З. Панфилов останавливается на залоге как синтаксико-морфологической категории. Между логическими категориями субъекта (носителя) действия и объекта действия, с одной стороны, и грамматическими категориями подлежащего и дополнения, с другой стороны, не существует однозначного соответствия. Категория залога дает возможность выразить более разнообразные отношения между субъектом, объектом и действием.

Стремление установить соответствие между синтаксическим уровнем (грамматической формой) и логико-грамматическим уровнем (коммуникативной нагрузкой) предложения реализуется различно. Одна тенденция, реализуемая в номинативном строе предложения индоевропейских языков, состоит в том, что подлежащее как член предложения выражает субъект логической фразы [несовпадение субъекта суждения и носителя (субъекта) действия приводит к возникновению страдательных конструкций]. Другая тенденция реализуется в ряде палеоазиат-

ских и кавказских языков, в которых нет страдательной конструкции, но есть эргативная конструкция. Эта вторая тенденция состоит в том, чтобы превратить в подлежащее член предложения, который выражается одним из косвенных падежей, но который обозначает субъект действия, выраженного переходным глаголом.

Таким образом, в книге В. З. Панфилова последовательно, с одной и той же точки зрения исследуются важнейшие вопросы современного синтаксиса и логики, учения о связи языка и мышления, рассматриваются важнейшие грамматические категории (модальность, наклонение, залог и т. п.). Соотношение логико-грамматических и формально-синтаксических категорий автор рассматривает как типологическую проблематику, на протяжении всей книги приводя и анализируя примеры из языков разного морфологического и синтаксического строя. В. З. Панфилов обращает внимание на то, что субъектно-предикатная форма мышления является универсальной (общечеловеческой), тогда как грамматические формы, в том числе синтаксические, носят более частный (национальный) характер. Автор подчеркивает, что тождество логико-грамматического членения предложения при возможном различии их синтаксического членения указывает на относительную самостоятельность языка и определяющую роль мышления. Несмотря на значительное расхождение в соотносительных единицах языков, идентичное содержание может быть передано средствами любого языка.

Содержательная сторона речи и единицы языка, употребляемые в речи, не совпадают. Поэтому наши мысли всегда могут превышать содержание языковых единиц и могут влиять на появление и развитие единиц языка.

В. И. Кодузов

Л. Л. Касаткин. Прогрессивно-ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. — М., изд-во «Наука», 1968. 136 стр.

Рецензируемая монография посвящена исследованию одного из наиболее ярких и заметных диалектных явлений русского языка. После известного труда Д. К. Зеленина¹, спорность ряда выводов которого не раз отмечалась уже в литерату-

ре предмета², тема эта во всем ее объеме не привлекала внимания ученых. Между тем огромный материал, накопленный русской диалектологией за последние полвека, настоятельно требовал осмы-

¹ Д. К. Зеленин, *Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации*, СПб., 1913.

² Ср., например: А. А. Шахматов, *Рец. [Д. К. Зеленин. Великорусские говоры... СПб., 1913]*, ИОРЯС, XX, кн. 3, 1915; С. С. Высотский, *Развитие русской диалектологии в конце XIX — начале XX в., в кн. «История русской диалектологии»*, М., 1961, стр. 49—51.

ления и обобщения, а развитие теории и методов лингвистической географии, описательной и исторической диалектологии и диахронической фонологии открывало широкие возможности для решения еще не решенных вопросов и пересмотра некоторых из тех выводов, которые до сих пор казались бесспорными. В исследовании Л. Л. Касаткина эти возможности использованы полно и умело.

Работа основана на обширном, тщательно собранном фактическом материале, который отчасти получен путем личных наблюдений автора, отчасти же извлечен из многочисленных описаний русских говоров, из ответов на «Программу...» Диалектологического атласа и ответов на специальную, составленную самим автором программу. Этот огромный материал не только подробно описан и картографирован (девять безукоризненно выполненных карт дают зримое представление о типологии и распространении исследуемого явления), но и интерпретирован на основе единой, последовательно проведенной концепции, дающей полное и непротиворечивое объяснение всему многообразию фактов применительно к различным эпохам и разным структурно-территориальным разновидностям русского языка. Все это, вместе с широкой и разносторонней эрудированностью автора, ясностью и четкостью его лингвистического мышления, обеспечило успех предпринятого им труда.

После краткого предисловия (в нем излагаются общие сведения об исследуемом ассимилятивном процессе и истории его изучения, формулируются задачи исследования и определяется фонологическое кредо автора) Л. Л. Касаткин приступает к анализу диалектного материала, посвящая первую главу работы (стр. 7—72) исследованию результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных в современных русских говорах. Следует подчеркнуть, что речь здесь идет именно о результатах, а не о самом этом фонетическом процессе. Это не случайно и имеет принципиальное значение.

Как убедительно показывает автор, смягчение заднеязычных не является сейчас живым фонетическим процессом; вызвавший его закон давно прекратил уже свое действие, и в современном языке — с различной для разных говоров сохранностью — представлены лишь его готовые результаты, зафиксированные в лексическом составе и морфологическом инвентаре и отраженные в соответствующих моделях. Эти модели (фонетическая, фонологическая, морфологическая и словообразовательная) продолжают предписывать правила выбора определенных звуко сочетаний, пути и средства освоения инодиалектного (иноязычного) материала, правила образования новых слов и форм. Возникающие

по этим правилам факты могут внешне ничем не отличаться от тех, какие в предшествующий период были вызваны действием фонетического закона, и это дает иногда основания для ложного вывода, будто закон является живым и продолжает действовать (ошибки такого рода встречаются нередко и у опытных диалектологов). Важно учитывать, однако, что сохраняемая по традиции модель предписывает правила не обязательного, а лишь предпочтительного характера, в связи с чем оказываются возможными также и факты, противоречащие модели. Таковы, например, нередкие в современных говорах случаи сосуществования в речи одних и тех же лиц вариантов типа *Вань[к']я* и *Вань[к']а*, *день[г']я* и *день[г']а* и т. п. (стр. 63) или вариантов типа *Ник[к']а* и *Ник[к']я*, *рыб[к']а* и *рыб[к']я* и т. п. (стр. 10—13). В этой ситуации создаются условия для взаимодействия моделей (например, словообразовательной и фонетической), которые, накладываясь друг на друга, могут вызывать к жизни факты, совершенно невозможные при естественном фонетическом развитии (ср., например, случаи типа *де[ф']к'я*, *кошол[к']я*, *блис[т']о* «близко», анализируемые на стр. 15—17). В связи с этим выдвигается идея о трех стадиях, трех последовательных этапах фонетических изменений (стр. 61—62), идея, которая имеет важное значение для дальнейшего развития диахронических исследований.

Сознательно ограничиваясь синхронным анализом, Л. Л. Касаткин в самом современном материале находит данные, позволяющие отграничивать действительные результаты переходного смягчения от сходных с ними результатов аналитического выравнивания или заимствования при междиалектном взаимодействии, а случаи, не затронутые в прошлом действием фонетического процесса, — от тех, какие обязаны позднему отходу от результатов смягчения. Ср., например, анализ случаев *с[к']* и *[к]* после звуков на месте этимологического *ч* в некоторых среднерусских и южнорусских говорах (стр. 23—28), анализ случаев *с[к']* и *[к]* после *[й]* (стр. 29—32) и др. под., потребовавшие от автора преодоления целого ряда специфических трудностей, связанных с необходимостью интерпретации материалов чужих записей (стр. 34—35) или с пересмотром некоторых устоявшихся, но ошибочных взглядов. В этой связи достаточно отметить хотя бы как имеющее и принципиальное значение проведенное автором определение частотности в русском языке сочетаний мягких согласных с *[к]*, что позволило ему опровергнуть не раз выдвигавшийся наблюдателями и как будто подтверждаемый массовыми материалами атласа ложный тезис о якобы имеющей место зависимости произношения *[к']* от того, после ка-

кого именно парного мягкого согласного он стоит (стр. 38—39).

Бесма важной представляется также проделанная автором работа по установлению случаев лексикализации и морфологизации результатов ассимилятивного смягчения заднеязычных. Подобные явления (ср., например, сохранение мягких [к'], [г'] в словах *зерькело*, *зерьгело* или в формах им. падежа ед. числа прилагательных жен. рода типа *маленькия*), связанные с фонетическим процессом имплицативной связью, имеют, как известно, исключительно важное значение для исторической диалектологии, так как могут указывать на действие фонетического процесса в прошлом, если другие, непосредственные его результаты по тем или иным причинам не сохранились. Круг такого рода явлений, известных науке, еще очень невелик, и расширение сведений о нем нельзя не поставить в заслугу автору³. Особый интерес в этом отношении вызывает исследование истории собственного имени *Ольа* (<*Ольга*), широко распространенного в такой форме на территории северного ареала прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных, а также на соседних территориях, не знающих сейчас этого явления, но, возможно, знавших его в прошлом. Тесно связанное с общей темой и предпринятое ради нее, это частное исследование имеет несомненную самостоятельную ценность, представляя образец пзщного анализа целого комплекса собственно лингвистических и экстралингвистических проблем.

Следует отметить вообще, что автор не ограничивается узкими рамками исследуемого им явления, но, последовательно учитывая его многочисленность и разнообразные связи по опосредованию, выходит в смежные области, предлагая новые, иногда спорные, но всегда интересные решения многих трудных проблем. Таковы, например, вопросы о фонетическом статусе [γ] в литературном языке и севернорусских говорах (стр. 45—49), о соотношении фонем [γ] и [j] в современных говорах и в древнерусском языке и связанных с этим особенностях их графического обозначения (стр. 51—52), вопрос о происхождении севернорусских форм типа *ne[ko]m*, *m[ko]m* (стр. 64—66) и мн. др.

³ В этой связи следует указать и на одну упущенную автором благоприятную возможность — исследовать сам процесс лексикализации в его течении на примере примперативной частицы *к'а*, которая, судя по некоторым свидетельствам, обнаруживает тенденцию к консервации ассимилятивной мягкости (см.: Ф. П. Филин, Говор д. Селино Дубенского района Тульской области, «Материалы и исследования по русской диалектологии», I, М., 1949, стр. 309).

Во второй главе работы (стр. 72—123) автор обращается к истории прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных и выдвигает ряд обоснованных положений о сущности, механизме и условиях этого процесса, о времени, когда он действовал, и о факторах, определивших различное его течение в разных говорах русского языка или вообще преобладававших его осуществлению. Л. Л. Касаткин справедливо считает, что ни одно из выдвигавшихся ранее толкований прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных не объяснило ни истории, ни особенностей результатов этого изменения. Иначе и не могло быть, так как те общие артикуляторно-физиологические особенности человеческого речи и социально-исторические факторы (внешние влияния, мода и пр.), указанием на которые обычно и ограничивались при объяснении этого явления, представляют собой лишь общие возможности изменения и распространения его результатов. Реализуется ли та или иная возможность и если реализуется, то как и в каком направлении, зависит от специфических особенностей данной фонологической системы⁴. Именно здесь, на фонологическом, а не на фонетическом уровне, нужно, по мысли автора, искать ответ на все принципиальные вопросы, связанные с ассимилятивными изменениями.

В основе фонологических взглядов Л. Л. Касаткина лежит концепция московской школы, основные понятия которой (а также заимствованные у практиков понятие архифонемы) осмыслены им в свете положений двухступенчатой теории фонем С. К. Шаумяна. Таким образом, фонема, архифонема и гиперфонема понимаются здесь как конструкты, т.е. как абстрактные единицы моделируемой системы языка, обладающие определенным набором различительных признаков («диф-

⁴ Это справедливо, разумеется, и в отношении обычных объяснений многих других конкретных изменений в истории конкретных языков и диалектов. Последним по времени и чрезвычайно ярким образцом такого подхода к ассимиляции как панхроническому и универсально-языковому изменению, объясняющемуся общечеловеческой тенденцией к экономии и облегчению произносительных усилий, может служить изложение вопроса в книге: Б. А. Серебрянников, Об относительной самостоятельности развития системы языка, М., 1968, стр. 42—55. Ср. также недавнее утверждение У. Ш. Байчуры о том, что «ассимиляция, диссимиляция, метатезы звуков... — результаты влияния анатомии и физиологии» («О некоторых факторах языкового развития», в сб. «Проблемы языкознания», М., 1967, стр. 104).

ференторов») и воплощаемые в звуках языка («фонемоидах»)⁵. Эти последние также характеризуются определенным набором признаков («дифферентондов»), одни из которых воплощают дифференторы фонем и потому являются фонологически существенными, а другие нет.

Основываясь на соображениях А. Мартине и М.И. Стеблина-Каменского, Л. Л. Касаткин определяет ассимиляцию как «замену фонологически несущественного признака α звука [a] парным признаком β соседнего звука [m]» (стр. 89) и, проверив это определение на ряде широко распространенных в русском языке результатов различных ассимилятивных изменений, использует его затем для объяснения ассимилятивного смягчения задненебных. Результаты этого исследования представляются интересными и обнадеживающими.

Рассматривая сочетания типа [t'k], возникшие в русском языке в результате процесса падения редуцированных, автор показывает, что твердость заднеязычного звука [k] в таких случаях была фонологически несущественной, поскольку фонема [k] не обладала дифферентором «палатальность». В то же время мягкость предшествующего согласного, воплощавшего «мягкую» фонему, была фонологически существенной. Именно поэтому мягкость этого согласного переносилась на следующий за ним задненебный, который, таким образом, подвергся прогрессивному смягчению (стр. 72—73). Так же обстояло дело и с другими задненебными, если их твердость, как и у [k], была фонологически несущественной. Однако в древнерусском языке были говоры, в которых — по особенностям их фонологических систем — фонемы /γ/ и /х/ обладали дифферентором «твердость», поскольку им были противопоставлены коррелятивные «мягкие» фонемы. В таких говорах твердость звуков [γ] и [х] оказывалась фонологически существенной, и потому, в отличие от [k], эти согласные не подверглись ассимилятивному смягчению.

По определению фонологического механизма ассимиляции, смягчение твердых задненебных не должно было иметь места и в тех говорах, где предшествующие мягкие согласные воплощали фонемы, лишенные дифферентора «палатальность». Такими, например, во всех древнерусских говорах были мягкие шипящие [m'] и [ж'], впоследствии отвердевшие. И действительно, после

этих шипящих, даже в говорах, где они сохранили исконную мягкость, произносятся обычно твердые задненебные (стр. 97). То же — в положении после других согласных, например, после [j], если их мягкость, как и мягкость шипящих [m'] и [ж'], не была фонологически существенной.

Однако были и такие говоры, где мягкость звука [j] оказывалась фонологически существенной, поскольку фонема /j/ входила в коррелятивную пару с /γ/ и противопоставлялась ей как «мягкая» — «твердой». В таких говорах, естественно, твердые задненебные (собственно только [k], поскольку твердость [γ] и [х] оказывалась здесь фонологически существенной) должны были ассимилятивно смягчаться и после [j] (стр. 104). Сходная ситуация определяла судьбу твердых задненебных и после звуков, выступающих в соответствии исконным ч и ц (стр. 97—104).

Таким образом, автору действительно впервые удалось объяснить и редкое для русского языка прогрессивное направление этой ассимиляции, и обусловленные особенностями диалектных фонологических систем различия по говорам структурные разновидности ее результатов. Вполне достоверной представляется также и устанавливаемая автором относительная хронология ассимилятивного смягчения задненебных (после возникновения аканья, но на раннем этапе его развития), а новая датировка этого процесса (XIII в.), основанная на соображениях структурного и лингвостранографического характера, называется гораздо более убедительной, чем та, которая получила признание после работы Д. Е. Зеленина. Не вызывает сомнений и вывод автора о независимом происхождении ассимилятивного смягчения задненебных в севернорусских говорах (стр. 120), вопреки поддержанному А. А. Шахматовым и принятому в науке мнению Д. К. Зеленина о южно-русском происхождении этого явления, якобы занесенного на север переселенческой, колонизационной волной.

Первый исследователь этого диалектного явления Д. К. Зеленин, подводя итог своим наблюдениям и признаваясь, что особых доказательств в пользу предложенного им объяснения «часто совсем не имеется», писал: «Приходится довольствоваться тем, что наша гипотеза более или менее удовлетворительно объясняет всю сумму известных нам фактов и нигде не противоречит этим фактам. Когда будет дано лучшее объяснение тех же фактов, тогда предложенное нами объяснение само собою отпадет»⁶. Рецензируемая книга действительно дает это предсказан-

⁵ Следует отметить, однако, что наряду с пониманием фонемы как конструкта в книге, хотя и имплицитно, присутствует и другое понимание фонемы — как единицы, интуитивно осознаваемой носителями языка и, следовательно, имеющей психический коррелят в их языковом сознании.

⁶ Д. К. Зеленин, указ. соч., стр. XVI.

ное полвека назад «лучшее объяснение тех же фактов». Важно подчеркнуть, что ассимилятивное смягчение заднеязычных рассматривается не как изолированное изменение, но как развитие в одном из звеньев фонологической системы. Все это позволяет оценить работу Л. Л. Касаткина как ценный вклад в русскую описательную и историческую диалектологию.

Однако содержание ее значительно шире — и если диалектолог примет ее как диалектологическое исследование, выполненное фонологическими методами, то фонолог обратится к ней как к фонологическому исследованию, выполненному на диалектном материале.

Не останавливаясь подробно на частных вопросах, хотя и они представляют несомненный интерес (ср., например, устанавливаемые автором различия в фонологическом содержании звука [j] по говорам русского языка или вывод о том, что коррелятивные фонемы /ч/ и /ц/ противопоставлены в части русских говоров не как «шипящая» — «свистящая», а как «мягкая» — «твердая», стр. 97—99), следует выделить несколько положений, имеющих принципиальное общемонологическое значение.

Таков прежде всего вывод, опровергающий общепринятое представление о возможности фонологизации позиционно обусловленных вариаций фонем при уравнивании причин позиционного варьирования. Как показывает Л. Л. Касаткин, если фонема /А/ воплощалась в позиции P_1 в звуке [a₁], а в позиции P_2 в звуке [a₂], а затем позиция P_2 в результате фонетического изменения совпала с позицией P_1 , то это должно автоматически повлечь за собой замену в средствах воплощения фонемы: звук [a₂] должен замениться звуком [a₁]. Если этого не происходит, если звук [a₂] сохраняется в данной словоформе, переходя в новую для него позицию $P_1 < P_2$, то это значит, что еще до изменения позиции $P_2 > P_1$ звук [a₂] стал представителем другой фонемы (стр. 66).

В связи с этим формулируется утверждение, что фонемы могут возникать в языке раньше, чем появляются их физические субстраты, что в фонологической системе могут существовать единицы, которые на данном этапе развития языка не получают реального воплощения в речи. Такие единицы не удастся обнаружить известными нам приемами и методами синхронного анализа, и лишь последующие звуковые изменения своими результатами свидетельствуют о их предсуществовании, которое может быть установлено только ретроспективно-диахронически. Так, синхронный анализ позволяет установить для южнорусских говоров определенной эпохи коррелятивную пару /у/ — /й/ и тем самым обнаруживает «твердость» /у/ как дифференциальный

признак этой фонемы. Для фонемы /к/ и /х/ синхронный анализ такого вывода сделать не позволяет и заставляет считать, что в наборе их дифференциальных признаков «твердость» отсутствует. Однако это заключение оказывается справедливым лишь в отношении /к/. То, что /х/ отличается от /к/ по этому признаку, показывают различия в изменениях, которые пережили воплощающие их звуки на следующем этапе развития: [к] подвергся прогрессивному ассимилятивному смягчению, а [х] нет. Следовательно, твердость [х] была фонологически существенной. Подтверждение этому автор видит в поведении [х'] в процессе развития яканья, которое не повлекло за собой мены [х'] (вместо [ф'] в заимствованной лексике) на [х] ([x'e]δбс > [x'a]δбс, а не [xa]δбс, [x'e]δбм > [x'a]δбм, а не [xa]δбм и т. п.), что было бы неизбежным, если бы до развития яканья в фонологической системе этих говоров не существовала уже «мягкая» фонема [х']⁷.

К сожалению, автор, постулируя возможность языкового предбытия не реализуемых в речи фонем, не дает строгого определения того, что представляют собой эти фонологические единицы. Это, конечно, затрудняет обсуждение его идеи. Тем не менее можно было бы предположить, что Л. Л. Касаткин имеет в виду так называемые потенциальные или виртуальные фонемы, мысль о которых неоднократно высказывалась в последние годы. Она, однако, не получила широкого признания и не нашла применения в практике лингвистических исследований, поскольку при реляционно-физическом понимании фонемы как класса звуков понятие виртуальной фонемы по существу ничем не отличается от понятия пустой клетки и является излишним⁸.

У Л. Л. Касаткина, хотя он и не говорит об этом прямо, понятия пустой клетки и не реализуемой в речи фонемы явно не совпадают. Так, имея в виду определен-

⁷ Ср. подобное развитие в некоторых юго-западных русских говорах, где мы находим как раз [xa]δбс, [xa]δбсья, [xa]δбсь «киос», ла[χa]рь «лагерь» и т. п. Следует, впрочем, заметить, что в изложении этого вопроса автор отступает от им же установленного принципа и описывает поведение [х'] в условиях развивающегося яканья в терминах традиционной, отвергаемой им концепции (стр. 95—96, 114).

⁸ Ср., например, полное совпадение этих понятий в работах: А. П. Евдошенко, Проблемы структуры языка, Кишинев, 1967, стр. 10 и др.; В. В. Иванов, Историческая фонология русского языка, М., 1968, стр. 337—338. Существует, впрочем, и иное понимание виртуальности как инвариантности, как общего свойства единиц «эмического» ряда.

ную группу древнерусских говоров эпохи до развития яканья и ассимилятивного смягчения задненебных согласных, можно, основываясь на материалах автора, восстановить следующий фрагмент их консонантной системы: /ʃ/ — /j/, /x/ — /x'/, /k/ — /j/, где представлены реализуемые (актуализируемые) фонемы /ʃ/, /j/, /x/, /k/, не реализуемая в речи фонема /x'/ и пустая клетка, которую впоследствии — много позже — займет фонема /k'/.

И если пустая клетка, в понимании Л. Л. Касаткина, — это лишь скрытая возможность фонологической системы, лишь потенциальная точка пересечения системных признаков, то нереализуемая фонема — это реальность, столь же объективная, так же интуитивно осознаваемая носителями языка и так же индуктивно выводимая исследователем из наблюдаемых фонетических фактов, как и реализуемые фонемы.

Оба рассмотренных выше тезиса естественно вытекают из взглядов автора на соотношение фонетического и фонологического уровней в процессах языкового развития и изменения. Справедливо считая звуковую сторону языка единственной данностью, из которой могут быть выведены наши знания о фонологической системе, и строя свое исследование как цепь индуктивных обобщений, Л. Л. Касаткин отказывает, однако, фонетической субстанции в возможности автономного развития и обратного воздействия на фонологическую систему. Отношения между этими двумя уровнями понимаются как отношения односторонней зависимости, а не взаимобусловленности. Исходя из этого решается и центральная для рецензируемой книги проблема ассимилятивных изменений.

Действительно, если сущность ассимиляции определяется как перенесение фонологически существенного признака данного звука на соседний звук, парный признак которого является фонологически несущественным, то это значит, что фонологически заданы и предопределены и самая возможность, и направление, и результаты ассимиляции. Это значит также, что фонологически задан и определенным образом ограничен круг консонантных сочетаний, в которых могут иметь место ассимилятивные изменения. Очевидно, что, с этой точки зрения, ассимиляция возможна лишь в сочетаниях типа $[a^{+} b^{\circ}]$ и $[a^{\circ} b^{+}]$, члены которых (a , b) обладают парными признаками (α , β), различными по сущности — несущественности в фонологическом отношении ($+$, 0).

Это позволяет рассматривать ассимилятивные изменения как однозначное и необходимое отражение определенных особенностей фонологической системы и привлекать результаты ассимиляции для реконструкции фонологической системы

языка или диалекта определенной эпохи⁹. При этом оказывается возможным полностью устранить неопределенность традиционного артикуляторно-физиологического объяснения ассимилятивных изменений и установить точные закономерности там, где до этого видели лишь случайность. Плодотворность такого подхода к ассимиляции трудно переоценить.

Вместе с тем следует отметить, что последовательное его проведение наталкивается на ряд трудностей и вызывает некоторые сомнения.

Сомнения вызывает прежде всего именно абсолютная точность и строгость устанавливаемых таким образом закономерностей, не допускающих вообще никаких случайностей и признающих для фонетики каждый раз лишь одну законную возможность развития, та абсолютная необходимость, с которой из фонетической данности следует каждый раз лишь один, единственно возможный фонологический вывод. Возникает опасение, что при таком подходе, исходя из наблюдаемого по говорам восточнославянских языков чрезвычайного многообразия результатов ассимиляции и основываясь на различиях в судьбе одних и тех же консонантных сочетаний, окажется необходимым в ряде случаев постулировать такие диалектные фонологические особенности и, соответственно, такие диалектные фонологические системы в целом, реальность которых, по-видимому, не может быть подтверждена ни для современного их состояния, ни для их исторического прошлого. Ср., например, фонологические выводы, которые, следуя указанному принципу, пришлось бы сделать из фактов ассимиляции в группах $[дн > нн]$, $[вн > мн]$, $[жц > зп]$ и мн. др. под. в одних говорах и отсутствия ассимиляции в других, или из фактов различия в судьбе сочетания $[шс']$, которое в одних говорах сохранилось без изменения, тогда как в других изменилось либо с регрессивной, либо с прогрессивной ассимиляцией ($[шш < шс' > с'с']$). Выводы такого рода можно найти, как кажется, и в рецензируемой книге.

Приступая к анализу прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных, автор показывает, что распределение фонетических признаков мягкости и твердости в сочетаниях, где осуществлялось это изменение, ничем не отличалось от распределения тех же признаков в соче-

⁹ Используя эту возможность, автор доказывает, например, что в эпоху непосредственно после падения редуцированных в древнерусском языке еще существовали фонемы /дж/ и /дз/, утраченные впоследствии в большинстве русских говоров, но сохраняющиеся в украинском и в белорусском (стр. 91—92).

таниях, где происходило регрессивное отверждение мягких согласных. «Изменение типа $[t't > t't']$ и типа $[t't > tt]$ происходило в одних и тех же говорах и в одну и ту же эпоху» (стр. 92). Различие между этими типами сочетаний было не фонетическим, а фонологическим. В сочетаниях мягких согласных с твердыми твердость задненебных звуков была фонологически несущественной, так как они воплощали фонемы, не обладавшие дифференциатором «твердость». В то же время твердость незаднебных согласных звуков была фонологически существенной, поскольку они воплощали «твердые» фонемы, противопоставленные «мягким». Это совершенно бесспорно, и приводимые автором примеры типа *Ва[н'к]а* и *стра[н'н]ый* вполне подтверждают это заключение.

Однако различие между названными типами сочетаний автор усматривает не только в фонологическом различии вторых их членов, но также и в фонологическом различии их первых — мягких — членов. Утверждается именно, что мягкость согласных, оказавшихся после падения редуцированных перед твердыми задненебными, была фонологически существенной, тогда как мягкость согласных, оказавшихся перед твердыми незаднебными, была признаком фонологически несущественным. Объяснение этому различию (а оно устанавливается на основании различия в направлении ассимилятивных изменений, пережитых этими сочетаниями) Л. Л. Касаткина ищет в тех отношениях, которые сложились в древнерусском языке еще до падения редуцированных, когда твердость и мягкость согласных, стоявших перед согласными, были фонологически несущественными.

Едва ли это справедливо. Фонологические отношения, сложившиеся до падения редуцированных, в результате этого процесса во многих случаях изменились, и притом изменились так, что мягкость согласных, оказавшихся перед твердыми (в том числе и перед твердыми задненебными), освободилась от позиционной обусловленности и превратилась в самостоятельный, необусловленный признак. Тип сочетаний, однородных по твердости — мягкости (имея в виду и те, что сохранились от предшествующей эпохи, и те, что возникли вновь), мог, вероятно, как модель оказывать воздействие на противоречившие ей неоднородные сочетания, подталкивая ассимилятивные процессы, но он не мог, по-видимому, определять и изменять фонологические отношения в неоднородных сочетаниях¹⁰. Таким образом, сле-

довало бы, вероятно, признать, что среди сочетаний мягких согласных с твердыми, наряду с сочетаниями типа $[a^{a+}b^{\beta}]$ и сочетаниями типа $[a^{a^{\circ}}b^{\beta+}]$, которые и рассматриваются в работе Л. Л. Касаткина (ведь только в таких сочетаниях могла, с точки зрения автора, иметь место ассимиляция, прогрессивная в первых и регрессивная во вторых), существовали также и сочетания типа $[a^{a+}b^{\beta+}]$, где фонологически существенными являются парные признаки обоих членов.

Дальнейшее развитие в сочетаниях такого типа могло, вероятно, осуществляться тремя теоретически возможными путями: 1) с сохранением сложившейся фонетической неоднородности признаков; 2) с устранением неоднородности в процессе регрессивной ассимиляции; 3) с устранением неоднородности в процессе прогрессивной ассимиляции.

Реальный языковой материал как будто бы подтверждает все эти три гипотетических возможности, обнаруживая различную по диалектам их группировку для разных сочетаний. Ср., например, обычное для русских говоров сохранение фонетической неоднородности в сочетаниях мягких переднеязычных с твердыми губными (*сва[д'б]а*, *ре[з'б]а*, *тю[р'м]а*, *пу[с'м]о* и т. п.) при диалектном устранении неоднородности с регрессивной ассимиляцией (*сва[дб]а*, *пу[см]о*, *тю[рм]а*)¹¹; устранение неоднородности с регрессивной ассимиляцией в случаях типа *ве[рб]а*, *ча[рстс]о* и т. п. при диалектном сохранении неоднородных сочетаний (ср.: *ве[р'б]а*, *ча[р'с'е]о*) или, наоборот, все три рефлекса, как это обнаруживается в судьбе сочетания $[л'н]$: при литературном *бо[л'н]о* диалектные *бо[лм]о* (с регрессивной ассимиляцией) и *бо[л'н']о* (с прогрессивной ассимиляцией). При этом, как можно предполагать, выбор того или иного пути, поскольку он не зависел уже от фонологических отношений, мог подчиняться действию иных, собственно фонетических, морфологических или каких-либо других нефонологических факторов.

Подобные же отношения могли, очевидно, складываться и в сочетаниях согласных, различавшихся не твердостью — мягкостью, а другими признаками, например, по глухости — звонкости, где развитие в большинстве говоров русского

языка научно несостоятельным (см.: «Фонологический сборник», Донецк, 1968, стр. 38—40).

¹⁰ Ср. попытку П. И. Сегеды вообще свести все ассимилятивные изменения к выравниванию по существующим моделям, объявив самое понятие «ассими-

¹¹ Ср. также описанную недавно С. С. Высотским как диалектное явление, имеющее довольно широкое распространение, тенденцию к прогрессивной ассимиляции в сочетаниях этого типа (см.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров», М., 1967, стр. 53—54).

языка пошло по пути регрессивной ассимиляции, хотя сохранение звонких перед глухими в говорах украинского и белорусского языков, а также единичные факты типа укр. *бджола* (< *бъчела*) или новгородск. (отраженное и в письменности) *сторово* «здорово» (< *сѣдорово*) показывают, что здесь были и иные возможности.

В сочетаниях мягких согласных с твердыми могли быть отношения еще и четвертого типа — когда парные признаки обоих членов являются фонологически несущественными. Такие сочетания (их можно было бы обозначить формулой $[a^{+}b^{\beta}]$) и имеет в виду Л. Л. Касаткин, когда объясняет сохранение твердости заднеязычных после согласных с фонологически несущественной мягкостью в говорах, знающих ассимилятивное смягчение заднеязычных после парных мягких согласных (стр. 97, 99, 105 и др.).

Логически рассуждая, правомерно было бы предполагать, что развитие таких сочетаний может осуществляться так же, как и развитие сочетаний типа $[a^{+}b^{\beta}]$: либо с сохранением фонетической неоднородности признаков, либо с установлением фонетического единства путем прогрессивной или регрессивной ассимиляции. Казалось бы, что именно в этих случаях — в условиях не только равенства перед фонологией парных признаков членов этих сочетаний, но и равного безразличия фонологии к этим признакам, — фонетическая или другая нефонологическая причинность могла бы проявиться с наибольшей определенностью.

Однако, как было показано, для Л. Л. Касаткина фонетической причинности вообще не существует. Ни в сочетаниях типа $[a^{+}b^{\beta}]$, ни в сочетаниях типа $[a^{\circ}b^{\beta}]$ ассимиляция, с точки зрения автора, осуществляться не может.

Она запрещена фонетически, поскольку «на фонетическом уровне любой признак звука по отношению к парному признаку не может считаться более сильным» (стр. 87), и, следовательно, не может и подчинять его себе. Но она запрещена и фонологически, так как в этих сочетаниях признаки их членов фонологически равны и ни один из них не может быть признан функционально более важным, а в сочетаниях типа $[a^{\circ}b^{\beta}]$ еще и потому, что оба признака несущественны в фонологическом отношении. Между тем, как устанавливает Л. Л. Касаткин, «фонологическая сущность признака ассимилирующего звука — необходимое условие всякой ассимиляции, осуществляющейся по признакам, релевантным для системы звуков языка» (стр. 93).

Таким образом, ассимиляция либо фонологически предписывается, либо фо-

нологически же запрещается, и в обоих случаях ни фонетические особенности звуков, ни какие-либо иные факторы никакой роли играть не могут. Но существует ли вообще фонологическая необходимость (предписанность) ассимиляции, как склонен думать автор? Не является ли ассимиляция и с фонологической точки зрения только возможностью, реализуемой в определенных фонологических условиях, но не как обязательный, а лишь как вероятностный процесс? Ведь признание необходимости прогрессивного направления ассимиляции в одних сочетаниях и регрессивного направления в других отнюдь не требует признания необходимости самой ассимиляции в сочетаниях такого типа и уж тем более не требует признания невозможности ассимиляции в сочетаниях, которые характеризуются фонологическим равенством признаков их членов.

Принцип однозначной фонологической причинности, из которого исходит автор, подкупает тем, что сулит надежду на полное и исчерпывающее объяснение языковых фактов. Но суждено ли сбыться такой надежде? Исходя из современного представления о языковой системе как об открытой динамической системе, построенной на нежестких связях, трудно ожидать положительного ответа на этот вопрос. Однозначная фонологическая причинность едва ли достаточна для объяснения истории даже самой фонологической системы¹². Тем меньше оснований думать, что она может быть достаточной для полного и исчерпывающего объяснения всех изменений воплощающей ее звуковой субстанции. Последняя должна обладать широким запасом неопределенностей, подчиняющихся вероятностным законам.

В этой связи можно было бы наметить следующую типологическую классификацию консонантных сочетаний, рассматриваемых как поле ассимилятивных изменений, возможных в данном состоянии языка:

1. Сочетания типа $[a^{+}b^{\beta}]$, где фонологически определена возможность прогрессивной ассимиляции.

2. Сочетания типа $[a^{\circ}b^{\beta+}]$, где фонологически определена возможность регрессивной ассимиляции.

3. Сочетания типа $[a^{+}b^{\beta+}]$ и $[a^{\circ}b^{\beta}]$, где фонологически определена возможность, но не направление ассимиляции.

Дело будущих исследований определить, какой из подходов к ассимиляции может продвинуть нас к еще более глубокому пониманию действительных отношений, существующих в языке. Однако было бы принципиальной ошибкой,

¹² Ср.: А. Мартине, Принципы экономии в фонетических изменениях, М., 1960, стр. 248.